

ДАЖЕ САМЫЕ заядлые ленинградские театралы не припомнят такого, чтобы один актер в течение декады исполнял ведущие роли в семи спектаклях. Такая декада проходит сейчас в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Это своеобразный творческий отчет перед зрителями народного артиста СССР Игоря Горбачева, которому на днях исполнится 50 лет.

Итак, семь ролей. И каких ролей! Влюбленный в творчество кукольных дел мастер Балясников из «Сказок старого Арбата» и Павел Иванович Чичиков, по словам Белинского, «человек гениальный в смысле плута-приобретателя». Павел Протасов из горьковских «Детей солнца» — интеллигентный, тонкий, но не умеющий увидеть то, что рядом с ним, и Антуан Сент-Экзюпери, у которого сердце распахнуто навстречу миру и людям. Самовлюбленный Кшиштоф Максимович из спектакля «Час пик» и кораблестроитель Л. Виль в пьесе «Ночью без звезд» — однолюб и романтик. И, наконец, талантливый ученый-хирург Крымов, который пытался жить с убеждением, что его «эгоизм полезен для общества». Он из пьесы Д. Храбровицкого «Пока бьется сердце», поставленной И. Горбачевым к 60-летию Октября.

— Игорь Олегович, двадцать три года назад вы дебютировали на сцене театра имени Пушкина в пьесе А. Арбузова «Годы странствий» — играли хирурга Александра Ведерникова. Та же профессия у сыгранных вами Устименко и Платона Кречета. И вот теперь — еще Крымов. Это не случайность?

— Конечно, нет. Я, разумеется, понимаю, что важны любые профессии. Но самыми благородными, святыми считаю профессии учителя и врача. В детстве я мечтал стать хирургом. Теперь горжусь тем, что среди медиков у меня много друзей — академик лауреат Ленинской премии Ф. Г. Углов, профессор Н. С. Молчанов и другие. Я всегда с удовольствием работаю над образами врачей. И дело здесь не только в моих медицинских пристрастиях. Мне представляется, что, рассказывая о людях, отвечающих за самое дорогое — человеческую жизнь, можно глубоко раскрыть нравственные основы нашего общества. Именно это главным образом интересовало меня во всех работах, посвященных медикам. Кому служит талант? Можно ли принести счастье людям, если руки у тебя искусные, голова полна знаний, но сердце холодно и равнодушно? Я стараюсь вместе со зрителями размышлять об этом. В спектакле «Пока бьется сердце» есть такая сцена: Крымов выходит к рампе, в зале вспыхивает свет, и хирург, который только что провел уникальную операцию на сердце, взволнованно говорит о том, что ведь такая операция могла, наверное, и не потребоваться, если бы мы всегда умели беречь человека, заботиться о нем.

— После двадцати лет актерской работы в театре имени Пушкина вы теперь возглавляете этот творческий коллектив и все так же активно выступаете на сцене. Наверное, здесь немало сложностей, хотя бы по аналогии с теми, которые известны из практики играющих тренеров в спорте?

— Прежде всего хотел бы сделать одно уточнение. У нас в театре пост, который мне доверен, называется «художественный руководитель», а не «главный режиссер». Понятно, что это далеко не одно и то же. В истории нашего театра был длительный и славный период, когда возглавлял труппу крупнейший русский актер, народный артист СССР Ю. М. Юрьев. Он вообще спектакли не ставил. Но это не мешало ему осуществлять руководство художественным направлением театра. Возможно, многие не согласятся со мной, но все же хочу высказать мысль: далеко не всегда должен быть в театре главный режиссер. То есть право на это надо заслужить. Если во главе театра стоит такой выдающийся мастер, как Г. А. Товстоногов, это понятно: там ведь действительно есть «театр режиссера Товстоногова».

Мне как художественному руководителю вовсе не обязательно только самому ставить спектакли, гораздо важнее собрать в театре единомышленников-режиссеров, каждый из которых сохранит при этом и свою творческую индивидуальность. Что касается аналогии с играющим тренером, то здесь она вполне допустима. Так же как в спорте правильность своих советов и концепций тренер дол-

жен доказать отличной игрой на поле или на площадке, так и художественный руководитель театра, выходя на сцену, не имеет права играть слабо.

— Вы часто снимаетесь в кино и на телевидении. Что здесь для вас было самым трудным?

— То, что режиссеры сплошь и рядом приглашали сниматься лишь «по принципу типажности». Например, 20 лет назад в фильме «Искатели» я сыграл карьериста-делягу Потапенко. Роль получилась. И потом долгое время меня приглашали в кино, когда нужно было показать такого современного бюрократа. Немало горького хлебнул я и из-за своей достаточно тучной фигуры. По этой причине мне на экране долго отказывали в праве любить, страдать, быть любимым.

Как одну из самых больших удач всегда буду помнить встречу с режиссером С. Н. Колосовым, пригласившим меня сниматься в теле-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Игорь Горбачев

визионном фильме «Операция «Трест». Роль бывшего русского монархиста Якушева, человека искреннего, убежденного, которого логика событий и истинная любовь к Родине сделали чекистом и разведчиком, сразу привлекла меня. Понять этого человека, наверное, особенно помогла встреча с его сыном, который показал мне семейную фотографию. Якушев смотрел со снимка веселый, жизнерадостный. И только пристально всмотревшись, можно было заметить: глаза у него серьезные. Это лицо человека исключительной выдержки и долга стояло передо мной все время, пока шли съемки.

— Есть ли в вашем творчестве темы, к которым вы возвращаетесь периодически?

— Пожалуй, это можно сказать о работе над произведениями Гоголя. С этого начался мой путь на профессиональную сцену. В 1950 году я сыграл Хлестакова в «Ревизоре», поставленном в самодеятельном студенческом театре Ленинградского университета, где я тогда учился на философском факультете. А через год — ту же роль я сыграл в кинофильме «Ревизор». Спустя много лет в телевизионном спектакле я встретился с Чичиковым. Для меня это в известной степени продолжение той, первой роли. Ведь Павел Иванович Чичиков — это, если так можно сказать, постаревший и уже умудренный жизнью Хлестаков. Рискну открыться: я симпатизирую Чичикову. Ведь он действительно умнее тех, с кем его сталкивает жизнь, активнее, изворотливее. Он тонкий психолог — собственно, только нелепый случай разрушил хитроумные его построения. И мне даже жаль, что один из самых деятельных людей в том безусловно порочном обществе получил наказание от тех, кто и не лучше, и глупее его. Сейчас я продолжаю работать над образом Чичикова — уже на сцене театра.

Гоголем я «болен» навсегда. Ведь никто в русской литературе не умел лучше его заставить читателя и зрителя после смеха плакать или глубоко задуматься. Я мечтаю снова вернуться к «Ревизору», но уже в качестве режиссера, и самому сыграть Городничего. А еще — подготовить для концертного исполнения моноспектакль по «Ревизору»: одному сыграть все роли.

— Наверное, есть и другие творческие планы?

— Признаюсь, с годами об этом говорить все труднее. Немало возникало замыслов, которым, увы, не суждено было осуществиться. В юности хотел обязательно сыграть Сирано, потом мечтал о Федоре Протасове в «Живом труп», кажется, был готов к роли царя Федора Иоанновича...

Как и в первые годы на сцене, особенно люблю играть наших современников. Горжусь тем, что моя работа была отмечена Государственной премией РСФСР имени К. С. Станиславского «За создание образов современников на сцене Ленинградского театра имени Пушкина». Это высокая оценка усилий всего нашего творческого коллектива, в котором еще с 20-х годов утвердился интерес к советской пьесе высокого гражданского пафоса. Линию эту мы стремимся продолжать и сегодня.

Вел беседу А. ГЕРВАШ.